

ЧИСТОТА И ПОРЯДОК: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ОПЕКИ

Александра Александровна Мартыненко

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
amartynenko@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : Статья посвящена представлениям о «чистоте» и «грязи», а также связанным с ними культурным контекстам, которые определяют профессиональные практики сотрудниц отдела органов опеки и попечительства в Санкт-Петербурге. При проверке жилого помещения, где проживает семья с ребенком, чистота дома расширяется для сотрудниц опеки до характеристики «правильного» функционирования семьи в целом. Представления о связи детства и чистоты являются частью процесса медиализации и стандартизации ухода за детьми. Вместе с тем наблюдение за процессом проверки квартир сотрудницами опеки позволяет выявить спектр представлений, лежащих в основе идеи «хорошего родителя». К таким представлениям относятся способность взрослых воспринимать, усваивать и настраивать свою жизнь в соответствии с рекомендациями сотрудниц. Чистота также становится свидетельством их желания не разлучаться с детьми через самостоятельное преодоление жизненных трудностей, явленных в первую очередь через беспорядок и грязь. Кроме того, поддержание чистоты отражает способность к регулярности, которая подкрепляет моральный образ взрослых в перспективе сотрудниц опеки. Статья основана на материалах трехлетней полевой работы, проведенной автором в 2019–2022 гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а : органы опеки, чистота, детство, родительство, гигиена, мораль.

Д л я с с ы л о к : Мартыненко А. Чистота и порядок: представления сотрудников органов опеки // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 40–60.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-40-60

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/martynenko.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2023, NO. 57

PURITY AND ORDER: THE PERSPECTIVE OF CHILD PROTECTION SERVICES

Alexandra Martynenko

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
amartynenko@eu.spb.ru

Abstract: The article is devoted to the concepts of “cleanliness”, “dirt”, and related contexts of the professional practices in child protection services in St Petersburg, Russia. For child protection service employees, “cleanliness” is expanded to the characteristics of the “correct” functioning of the family as a whole. Although ideas about the connection between childhood and cleanliness are part of the process of medicalization and standardization of child care, the inspection of apartments by child protection services allows us to identify a range of ideas that underlie the notion of “good parenting”: the ability of adults to perceive, assimilate, and adjust their lives in accordance with the recommendations of employees about cleanliness; evidence of their desire not to be separated from children; overcoming difficulties manifested primarily through disorder and dirt; their ability to sustain regularity, providing a sense of being morally standing adults in the eyes of child protection services. The article is based on fieldwork conducted over a period of three years (2019–2022).

Key words: child protection services, cleanliness, childhood, parenthood, hygiene, morality.

To cite: Martynenko A., ‘Chistota i porjadok: predstavleniya sotrudnikov organov opeki’ [Purity and Order: The Perspective of Child Protection Services], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 57, pp. 40–60.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-57-40-60

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/martynenko.pdf>

Александра Мартыненко

Чистота и порядок: представления сотрудников органов опеки

Статья посвящена представлениям о «чистоте» и «грязи», а также связанным с ними культурным контекстам, которые определяют профессиональные практики сотрудников отдела органов опеки и попечительства в Санкт-Петербурге. При проверке жилого помещения, где проживает семья с ребенком, чистота дома расширяется для сотрудниц опеки до характеристики «правильного» функционирования семьи в целом. Представления о связи детства и чистоты являются частью процесса медиализации и стандартизации ухода за детьми. Вместе с тем наблюдение за процессом проверки квартир сотрудницами опеки позволяет выявить спектр представлений, лежащих в основе идеи «хорошего родителя». К таким представлениям относятся способность взрослых воспринимать, усваивать и настраивать свою жизнь в соответствии с рекомендациями сотрудниц. Чистота также становится свидетельством их желания не разлучаться с детьми через самостоятельное преодоление жизненных трудностей, явленных в первую очередь через беспорядок и грязь. Кроме того, поддержание чистоты отражает способность к регулярности, которая подкрепляет моральный образ взрослых в перспективе сотрудниц опеки. Статья основана на материалах трехлетней полевой работы, проведенной автором в 2019–2022 гг.

Ключевые слова: органы опеки, чистота, детство, родительство, гигиена, мораль.

Введение

В течение трех лет, с 2019 по 2022 г., я проводила полевое исследование в органах опеки и попечительства одного из муниципалитетов Санкт-Петербурга. В ежедневные задачи небольшого коллектива, состоявшего из пяти сотрудниц, в числе которых была и я, входила проверка квартир, где проживают семьи с детьми. Такие визиты на профессиональном жаргоне называются «выходы в адрес». Во время полевой работы я часто наблюдала острую реакцию сотрудниц опеки на «грязные» квартиры: в каких-то из них невозможно было находиться из-за запаха, в других, по словам сотрудниц, можно было не снимать уличную обувь, в третьих не хватало мебели, постельного белья для детей или же «все» вещи валялись на полу. После посещения квартир сотрудницы в ходе подробных обсуждений «грязного» жилья (такие разговоры часто сопровождались демонстрацией фотографий) принимали решение забрать ребенка из семьи и отправить в реабилитационный центр¹. Если же квартира казалась прием-

**Александра Александровна
Мартыненко**

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
amartynenko@eu.spb.ru

¹ Временная мера, которая предполагает помещение ребенка по добровольному согласию родителей в специальные реабилитационные центры, где он находится до нормализации ситуации в семье.

лемой для проживания детей, но при этом нуждалась в ремонте или уборке, сотрудницы усиливали контроль над семьей, в том числе через увеличение количества проверок и подключение других служб (полиции, Центра помощи семье и детям, Комиссии по делам несовершеннолетних). Однако нахождение ребенка в «грязной» квартире рассматривалось сотрудницами как чрезвычайная ситуация, которая противоречит самой идее детства и должна быть устранена как можно скорее. Подчас непосредственная близость ребенка и грязи в различных ее проявлениях позволяла сотрудницам игнорировать такие принятые на государственном уровне нормы оценки семейных отношений, как привязанность детей к родителям или близким родственникам.

Неизменно острая реакция на «бардак», «антисанитарию», «бомжатник» провоцировала сотрудниц на активные действия, которые при работе с другими семейными ситуациями были бы не столь поспешны, проходя через обычную бюрократическую рутину отдела. Коллективом опеки взрослые, не способные поддерживать порядок в квартире с ребенком, маркировались как «неблагополучные». Сотрудницы настойчиво требовали от них приведения «жилищно-бытовых условий» в порядок — уборки, ремонта, устранения запахов, покупки постельного белья, посуды или детской мебели.

Можно предположить, что социальная работа со взрослыми и детьми выполнялась сотрудницами опеки «формально», т.е. оставалась на уровне фиксируемых показателей чистоты и грязи, а не на уровне выяснения действительных причин семейных трудностей и помощи. Такое осмысление их работы позволяет дать быстрый ответ на вопрос о том, почему сотрудницы уделяют такое внимание чистоте и грязи в квартире, где проживает ребенок. Кажется, что им гораздо проще с помощью разнообразных инструментов давления заставить родителей привести квартиру в относительный порядок, чтобы отчитаться перед вышестоящими инстанциями о проведенной работе, чем вести со взрослыми долгие разговоры о том, почему те не могут организовать свою жизнь и жизнь своих детей.

Сотрудников органов опеки и попечительства в России можно отнести к категории так называемых уличных бюрократов (*street-level bureaucrats*). Этот термин, предложенный американским политологом Майклом Липски, обозначает категорию государственных служащих, непосредственно работающих с людьми и при этом обладающих определенной свободой в осуществлении своих полномочий. Одними из характеристик работы уличных бюрократов Липски называл дефицит времени и вытекающая из этого дефицита необходимость в стандарти-

зированных, «шаблонных» практиках для сокращения времени на работу с каждой ситуацией [Lipsky 2010: 59].

Однако, на мой взгляд, было бы упрощением считать, что проверка жилищ на чистоту и загрязненность всего лишь способ, позволяющий сотрудницам опеки быстрее производить работу, игнорируя судьбы взрослых и детей, которые сразу попадают в категорию «неблагополучных», если их квартиры находят грязными. Закрепленные в специальных документах параметры оценки чистоты и порядка, которые будут рассмотрены в статье, становятся для сотрудниц не просто удобным механизмом проверки семей. Я предполагаю, что чистота, связанная с более широким контекстом культуры родительства и представлений о «правильном» детстве, оказывается подчас тем немногим, что скрепляет культурные конвенции и институциональные практики по определению детского благополучия.

Для того чтобы проанализировать, что представляют собой «чистота» и «грязь» для сотрудниц органов опеки и попечительства, а также понять, каким образом способы интерпретации «чистого» и «грязного» влияют на их решения в отношении семьи, я рассмотрю несколько примеров из моей полевой работы и постараюсь наметить основные этапы развития идеи о связи гигиены, детского мира и морального поведения родителей.

Описание поля

Отдел опеки, в котором мне посчастливилось проводить свое полевое исследование, состоял из четырех сотрудниц: руководительницы отдела, ее заместителя (обе они работают с приемными семьями и опекунами), сотрудницы, занимающейся работой с семьями в социально-опасном положении, и сотрудницы, которая отвечает за опеку над недееспособными гражданами¹. Для того чтобы изучить работу коллектива опеки методом «включенного наблюдения», я устроилась на должность специалиста первой категории, самую низкую в иерархии отдела. Моя должность предполагала работу с родителями при определении места проживания детей и порядка общения с ними в случае, если взрослые развелись. Все собеседники, ставшие моими коллегами, знали о том, что я изучаю практику работы органов опеки, и оказывали мне помощь в исследовании.

Важной составляющей рабочей рутины становится коллективное обсуждение текущих дел, которое может происходить в кабинетах (отдел располагается в двух соседних помещениях),

¹ Руководительнице отдела около 50 лет, возраст остальных сотрудниц — от 30 до 35 лет.

за чаем, по телефону или во время обеденного перерыва. Почти каждая семейная ситуация становится предметом разговоров между специалистами и руководительницей, когда женщины совместно продумывают лучший способ поведения. В этом смысле каждое решение в отделе является действительно коллективным и редко остается на усмотрение конкретной сотрудницы. Темы для обсуждений не заканчиваются, как не заканчивается поток разнообразных дел, которыми занят коллектив: в отдел опеки поступают сообщения от соседней, обеспокоенных жизнью детей в других семьях, запросы проверить ту или иную семью присылают школы и поликлиники. В случае судебных разбирательств нанести визит семье просит судья. Во всех перечисленных случаях сотрудницы опеки обязаны «выйти в адрес».

Такие визиты сопровождаются заполнением специального документа, с помощью которого работа сотрудниц опеки с семьей и ребенком становится «видимой» для других бюрократов, — акта обследования жилищно-бытовых условий несовершеннолетнего. Составление этого документа требует времени как на визит в семью и собственно «обследование», т.е. осмотр условий проживания ребенка (он длится около 30–40 минут), так и на внимательное заполнение пунктов акта после посещения (которое занимает от одного до двух часов). К производству этого документа сотрудницы относятся с большим вниманием, ведь впоследствии именно он станет свидетельством проведенной ими работы и весомым аргументом для вышестоящих инстанций (например, для суда или комиссии по делам несовершеннолетних) при принятии решений в отношении семьи и ребенка.

Акт содержит информацию об условиях проживания ребенка в квартире: наличии спального места, одежды, игрушек, санитарном состоянии жилого помещения (вплоть до наличия плиты, горячего водоснабжения и даже лифта в многоквартирном доме). В этом же документе оценивается состояние здоровья ребенка: посещение детских поликлиник, спортивных секций, наличие хронических заболеваний. Кроме того, обязательной частью проверки является оценка сотрудниками «социально-психологического» состояния несовершеннолетнего: его связи с близкими и друзьями, увлечений, способности к социальной адаптации. Стоит отметить, что и состояние здоровья, и социальную адаптацию ребенка, по словам сотрудниц, проверить и оценить практически невозможно. Оценить здоровье не позволяет отсутствие специального образования у проверяющих, а социальную адаптацию — недостаточность времени для наблюдения ребенка в различных ситуациях.

Акт ЖБУ, как сокращенно называют его в отделе опеки, становится важным артефактом, предполагающим заполнение стандартизированным языком определенного количества пунктов, утвержденных Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга. Одновременно с формализованными критериями акт предоставляет сотрудницам свободу бюрократического творчества и пространство для личного выбора: что указывать в документе, который прочитают другие бюрократы, а что оставить между собой и родителями¹.

Язык чистоты

При обсуждении одной семьи, состоящей «на контроле» в отделе опеки, сотрудницы между собой отмечали положительную динамику в работе с родителями.

Сотрудница 1: *Я смотрю, что в этот раз у нее [матери] даже матрас появился на кровати. В целом-то все лучше, уже на кухне прилично. То есть она убирается и услышала, как мне кажется, меня в тот раз.*

Сотрудница 2: *Ну, по тем фотографиям было видно, что грязь...*

Сотрудница 1: *Нет, сейчас лучше, и я думаю, ее можно из СОПа² выводить, если так все будет продолжаться.*

Оценка «запущенности» или «опрятности» жилого помещения, а также способности взрослых «услышать» сотрудниц может влиять как на усиление или ослабление контроля, так и на периодичность визитов в семью. Руководительница опеки на мой вопрос о том, как часто необходимо проверять семьи, которые привлекли внимание государственных служб и в чьих квартирах были зафиксированы «неблагополучные условия для роста и развития ребенка», ответила:

Хм... По неблагополучным тут все зависит, грубо говоря... Вот если они не открывают, например, вот мы ходим, пока не откроят. Можем вот ходить каждый день хоть по два раза, знаешь. Главное, чтобы поймать там и понять: что там за жопа или что там все неплохо. Есть у них там пол или там

¹ Помимо субъективно понимаемых норм, оценка жилого пространства имеет некоторые закрепленные в документах стандарты. Однако существующие санитарные нормативы относятся к жилищным условиям несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. С помощью этих нормативов проверяют условия проживания, например, в приемных семьях — см.: [Санитарно-эпидемиологическая оценка 2013].

² Социально-опасное положение семьи. Согласно Федеральному закону № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», таковым считается положение семьи, «где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними».

один цемент? Вообще есть тараканы или нет. Если как бы все неплохо и надо как бы просто поругивать, мы можем ходить и раз в три месяца. У нас ничем не регламентировано, как часто надо ходить. Тут уже сам как бы смотришь по ситуации.

«Смотреть по ситуации» исходя из логики руководительницы означает контролировать соблюдение необходимого минимума (наличие пола, отсутствие тараканов), в первую очередь в отношении состояния жилого помещения, где проживает ребенок: если ситуация улучшается, частота посещений неблагополучных семей снижается. Особенностью требований органов опеки по исправлению жилищных условий является своеобразный парадокс: настаивая на скорейшем изменении условий, они не имеют возможности помочь семьям материально. Материальной помощью, а также поиском подходящей работы для родителей занимаются другие «субъекты профилактики» — Центр помощи семье и детям, Служба занятости населения и пр. Однако обязанностью сотрудниц опеки остается проверка квартир, в которых проживают дети из неблагополучных семей. Таким образом, сотрудницам в большей степени доступны инструменты принуждения и контроля (возможность лишить родительских прав или временно забрать ребенка), чем инструменты помощи.

В подобных обстоятельствах улучшение жилищных условий становится целиком проблемой семьи вне зависимости от ее финансового положения. Способность за короткий срок найти деньги на ремонт или покупку необходимых вещей, т.е. преодоление взрослыми членами семьи структурных ограничений, подчас существенных, служит для представителей опеки сигналом о желании родителей сотрудничать и доказательством их привязанности к ребенку.

В течение нескольких месяцев сотрудницы опеки работали с семьей, состоящей из матери, двухлетней девочки и бабушки. Бабушка регулярно писала жалобы на мать в полицию и органы опеки. В них пожилая женщина указывала, что ее дочь не занимается воспитанием ребенка, девочка не посещает детский сад, у нее нет сформированного режима дня и питания. Одна из сотрудниц посетила квартиру семьи, где обнаружила разбросанные по полу вещи и игрушки, а также сочла условия проживания не соответствующими представлениям о месте, где ребенку комфортно и уютно. Мать пригласили на беседу в отдел опеки. Сотрудница, проводившая проверку, достаточно ясно определила приоритетность задач для исправления семейной ситуации.

Сотрудница: *Я, конечно, буду рада, если вы перезарегистрируетесь, но это не снимет с вас ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Меня ваши кон-*

фликты [с матерью] по большому счету вообще не интересуют. Меня интересует в первую очередь, чтоб вы понимали, срач в вашей квартире, в которой живет ребенок. И ваше неравнодушное общение с мамой, потому что это видит ребенок. И впитывает все. Все. Режим у ребенка нарушен, это однозначно. И можете мне хоть доказывать, хоть не доказывать...

Мать: Стоп, она спит десять часов в сутки.

Сотрудница: Все!

Первым шагом к исправлению конфликтной ситуации, по мнению сотрудницы опеки, должно стать упорядочивание жилого пространства. Со слов же матери, впоследствии рассказавшей свою историю, единственное, что мешает ей заботиться о ребенке и наладить семейную жизнь, — совместное проживание с бабушкой, а не состояние квартиры, которое она считает приемлемым. Доходов женщины недостаточно, для того чтобы снять отдельное жилье. Однако накопленный профессиональный опыт работы с неблагополучными семьями провоцирует сотрудницу скептически относиться к любым другим трактовкам семейных проблем и «беспорядка» в квартире.

Многие западные исследователи социальных служб отмечают, что оценка условий жизни семьи, выносимая сотрудниками государственных служб по защите детства, носит классовый характер. Семейная жизнь в случае государственного вмешательства с помощью разнообразных служб «подтягивается» до стандартов среднего класса, понимаемых как норма, а невозможность семьи преодолеть социальные ограничения, как и в целом внимание к ним соцработников, лишь усиливает маргинальное положение взрослых и детей [McConnell, Llewellyn 2005; Bywaters et al. 2019]. Тем не менее особый акцент на производстве неравенства и классовых границ, который можно отметить в англоязычной литературе о работе сотрудников системы защиты детей, не вполне соотносится с теми практиками, которые мне удалось зафиксировать в отделе опеки. Сотрудницы действительно часто посещали квартиры семей, которые находились в худшем материальном положении относительно их самих. Однако негласное правило, которому следует изучаемый коллектив, можно обозначить выражением «бедненько, но чисто». Сотрудницы опеки в обсуждении между собой того или иного случая отмечали, что семьи могут быть не виноваты в своем безденежье, но поддерживать чистоту обязаны независимо от финансового положения.

В иных случаях чистота жилого помещения служила механизмом защиты семьи даже при наличии других обстоятельств, которые можно классифицировать как опасные для ребенка. Вместе с сотрудницей опеки, отвечающей за контакты с семьями

в социально-опасном положении, я навещала квартиру, где проживала мать с годовалой дочкой. Мы знали, что у женщины тяжелая наркотическая зависимость от мефедрона и условный срок за хранение и распространение запрещенных веществ. Кроме этого, по сообщениям из полиции было известно, что она занимается проституцией и живет с мужчиной, отбывшим срок и не являющимся отцом ребенка¹.

Посетить квартиру было необходимо из-за поступившего в опеку судебного постановления, обязывавшего женщину записаться на лечение в наркологический диспансер. Сотрудница опеки, используя возможность забрать ребенка или лишить мать родительских прав, должна была уговорить ее добровольно поехать в диспансер, а также удостовериться в том, что ребенок находится в безопасности. До визита в семью коллега предупредила меня, что если мать будет в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, нам придется вызывать сотрудников полиции и забрать ребенка.

Однако мать подготовилась к приходу органов опеки. Небольшая квартира с «советским» ремонтом и мебелью была тщательно прибрана. Женщина заранее поместила около маленькой дочери, лежавшей перед нами на диване, книги и игрушки, здесь же была приготовлена стопка чистой детской одежды. Прямо при нас мать начала делать своей дочке массаж, параллельно разговаривая с сотрудницей. Налицо были все свидетельства «благополучных» условий: в квартире прибрано, у ребенка есть игрушки и одежда, за ним ухаживают у нас на глазах. Во время разговора сотрудница опеки настаивала на походе матери к врачу-наркологу, а сама женщина довольно спокойно объясняла, что употребляет наркотики всего лишь раз в неделю и в это время отдает дочку дедушке с бабушкой.

После того как мы вышли из квартиры, сотрудница поделилась со мной размышлениями о том, что девочку все равно заберут из семьи. Когда я спросила, почему же не забрать ее прямо сейчас, ведь мы точно знаем, что мать употребляет наркотики и занимается проституцией, сотрудница уклончиво ответила, что на данный момент нет никаких оснований забирать у нее ребенка. Мать во время визита была трезвая, мы видели

¹ Случаи, когда мужчина не является биологическим отцом ребенка, обычно отмечаются сотрудниками. Это может быть связано с их особым представлением о родстве и привязанности, обусловленной биологической составляющей родственных отношений [Schneider 1980]. Стоит отметить, что для сотрудниц данное обстоятельство начинает играть роль лишь в контексте общего семейного благополучия. Если в случае благополучных семей проживание матери с другим мужчиной будет риторически оформляться как «гражданский брак», то говоря о неблагополучных семьях, сотрудницы будут использовать термины «сожитительство», «сожитель», которые имеют негативные коннотации в узусе.

«чистоту и порядок» в квартире и даже непосредственный уход за девочкой. Задача органов опеки при проверке этой семьи — убедиться, что ребенок находится в «нормальных» условиях, а также передать матери информацию о том, что ей необходимо поехать в наркодиспансер.

Таким образом, при неоднозначном и не гарантирующем безопасность положении ребенка в семье наркозависимых сотрудница приняла решение не забирать девочку, а ограничиться «профилактической» беседой с матерью. Порядок в доме стал основанием для ее фактического бездействия, несмотря на очевидность более серьезных рисков для жизни ребенка. Если объяснять такое положение вещей только нежеланием сотрудницы опеки брать на себя дополнительную работу или же ее «равнодушием», которое часто приписывают бюрократам и государственным служащим, это не позволит заметить другие культурные контексты, имеющие отношение к практикам по наведению чистоты. На мой взгляд, особая коммуникативная ситуация, связанная с языком чистоты, имеет свою логику, как имеет ее и бездействие моей коллеги. Далее я попытаюсь отметить основные социальные контексты, в которых сопрягаются чистота и моральные качества родителей, поскольку, как кажется, именно их и проверяют сотрудницы опеки, описывая условия проживания семьи.

Гигиена и детство

Генеалогию особого внимания к условиям проживания ребенка, а также к окружающей его «чистоте» можно связать с постепенным усилением экспертного мнения врачей и гигиенистов в течение XIX в. в рамках политики общественного здравоохранения. Как показал Николас Роуз, гигиенический подход тесно связан с развитием дисциплинарной власти, когда чистота тела и жилого пространства были призваны обеспечивать повышение рождаемости. Дети в этом смысле рассматривались как государственный ресурс, который необходимо сохранить и приумножить [Rose 1999: 182–185]. На рубеже XIX–XX вв. экспертами западных стран в области гигиены и медицины были разработаны стандарты по уходу за детьми. Также были сформированы службы, обеспечивающие контроль за применением этих стандартов, в том числе социальные службы, по функциям схожие с современными органами опеки.

В России во второй половине XIX в., когда перед государством стояла проблема высоких показателей детской смертности, контроль за условиями проживания детей был обязанностью земских врачей. В это время специальные комиссии, состоявшие

из докторов и чиновников, проверяли условия жизни семей из бедных слоев городского населения и крестьян. Комиссии составляли заметки о неприемлемых с точки зрения медикализованного взгляда практиках ухода за детьми. Сообщество экспертов конструировалась связь между детской смертностью и невежеством, «вредными обычаями» и предрассудками, особой неблагоприятной «антисанитарной» средой низших сословий, влиявшей на жизнь ребенка и его семьи [Ransel 1978: 214; Engelstein 1986]. Обстановка, в которой росли дети, оценивалась с точки зрения гигиены и одновременно связывалась с моральными качествами родителей.

Мощная кампания, обращавшая внимание на особую потребность ребенка в чистоте и гигиене, развернулась после Октябрьской революции. Как часть государственной системы здравоохранения так называемое санитарное просвещение сформировалось в СССР в 1920-е гг. В рамках этой программы предполагалось бороться с эпидемиями и «социальными болезнями», создавать безопасные с точки зрения медицины условия труда и быта, а также обеспечить охрану материнства и младенчества [Соколов 1960: 6–7]. Кроме того, реформы раннего периода советской власти сопровождались переосмыслением оппозиции «частное — публичное», где к сфере публичного стала относиться домашняя жизнь и, соответственно, условия проживания. Доступ к домашнему пространству семьи обеспечивался учреждением должности «обследователя-воспитателя» и института патронажных медсестер в рамках санитарно-гигиенической кампании. На государственных плакатах дети, обращаясь к взрослым, требовали обеспечить им чистые пеленки, свежий воздух, правильную пищу — первый шаг к благополучию.

Американский советолог Трисия Старкс в исследовании о гигиенической пропаганде в СССР отмечает, что кампании 1920–1930-х гг. по охране материнства подчеркивали как важность родительского ухода за детьми, так и зависимость этих практик от советов врачей. Такая зависимость, пишет Старкс, стала основой нового «квалифицированного» типа материнства и родительства в целом. Гигиенисты и медики отдавали предпочтение научному, руководимому врачом уходу за ребенком и требовали от родителей следовать советам экспертов [Starks 2009: 135–160]. Особый акцент кампания по охране материнства и детства уделяла «среде обитания» — домашнему и общественному пространству, где должен воспитываться ребенок. С развитием специальных детских учреждений (яслей, школ, детских больниц и поликлиник) были разработаны и стандарты содержания этих помещений, также основанные на рекомендациях медиков.

К 1930-м гг. высокий уровень чистоты и гигиены становится необходимым атрибутом так называемой политики «культурности» — создания культурного рабочего класса посредством государственных реформ. К этому времени происходит переход от радикальных экспериментов в семейной политике к закреплению более консервативных норм частной жизни, предполагавших отдельное место проживания семьи и определенный предметный мир (постельное белье, скатерть, лампы), окружающий детей и родителей [Волков 1996: 10–11]. Необходимость в короткие сроки провести масштабные реформы в сфере домашней жизни граждан, а также усиление экспертной позиции врачей привлекли внимание государственных служащих к материальной обстановке семей.

Советские учреждения государственного дошкольного образования с четким распорядком дня и занятий, а также школы продолжали оставаться местом коллективного усвоения норм гигиены вплоть до 1990-х гг. Наличие идеологии, государственных систем здравоохранения и образования устанавливали жесткие рамки, внутри которых детство и родительство оценивались с позиции разработанных медиализированных стандартов, что повлекло за собой нормализацию представлений о ребенке, детстве и семейных практиках, которые производятся в чистом пространстве.

В 1990-х гг. государственные службы вновь обратили внимание на гигиеническую чистоту детства и домашнюю обстановку ребенка. В это время изменения социальной и экономической стратификации общества привели к тому, что многие люди оказались в неопределенном социально-экономическом статусе. В число семей, маркировавшихся государственными инстанциями как неблагополучные, могли входить и те, где родители оказались в тяжелом материальном положении из-за потери работы и вследствие этого были неспособны обеспечить «примлемые» условия жизни ребенку, и те, где они злоупотребляли алкоголем, наркотиками и не уделяли детям внимания.

Елена Хлыновская-Рокхилл, исследовавшая работу системы государственной опеки на Дальнем Востоке, отмечает, что в период с конца 1990-х до начала 2000-х гг. для органов опеки при проверке семей главным критерием родительской заботы становится способность взрослых создать для ребенка «благополучные» условия проживания. Такие условия складываются из двух компонентов. С одной стороны, это ценностные установки семьи, под которыми понимаются атмосфера любви, забота о ребенке, наличие у родителей постоянной работы. С другой стороны, условия проживания рассматриваются с точки зрения материального наполнения: наличие мебели, еды, одежды,

а также чистота и порядок в доме. Таким образом, дети должны быть защищены от недостатка перечисленных вещей, а родители обладать качествами, которые способны обеспечить описанные стандарты, т.е. должны работать и заботиться о ребенке [Khlinovskaya Rockhill 2010: 136].

С 2010-х гг. социальная политика государства была изменена в сторону соответствия западному тренду «деинституализации», т.е. постепенного сокращения числа детских домов или полного отказа от них. Реформы в этой сфере окончательно закрепились в специальном постановлении Правительства РФ в 2014 г.¹ Социальные и психологические последствия пребывания детей в детских домах и других учреждениях подобного типа были признаны негативными. Начинается развитие государственных программ, нацеленных на усиление института приемных семей, которые могли бы выступать альтернативой детскому дому, обеспечивая более индивидуальный уход за ребенком. Кроме того, семейная политика современной России делает упор на сохранение связи ребенка с семьей в случае критической ситуации и уменьшение количества «социальных сирот» — детей, оказавшихся в детских домах при наличии родственников, которые не в состоянии обеспечить им достойный с точки зрения государственных служащих уход [Шпаковская и др. 2019]. Вместо изъятия, активно практиковавшегося в 1990-е и 2000-е гг., новые установки на сохранение ребенка в семье стали требовать от сотрудников опеки более детального изучения семейной ситуации, внимания к каждому случаю, а также «психологизированного» подхода, учитывающего детско-родительскую привязанность. Отсюда появление в современном акте обследования жилищно-бытовых условий пунктов об эмоциональном состоянии ребенка и его привязанности к родственникам.

Помимо этого, реформы в сфере защиты детей-сирот законодательно изменили правила работы детских домов, одновременно открыв окно возможностей для участия в жизни этих учреждений сотрудников некоммерческих организаций и благотворительных фондов. Активная деятельность НКО в последнее десятилетие постепенно увеличивала их экспертную роль в поле заботы о семье и детях. Присутствие в государственных учреждениях волонтеров и сотрудников фондов заметно трансформировало организацию помощи даже в тех сферах, где раньше государство обладало монополией (от медицинской помощи до прямого продовольственного обеспечения семей). В Санкт-

¹ Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей».

Петербурге, в частности в изучаемом отделе опеки, налажены связи с разными благотворительными фондами, которые занимаются помощью семьям и обучением приемных родителей, проводят разнообразие тренинги и семинары для самих сотрудников отделов опеки. Привлечение представителей НКО к совместной работе по защите детей тем примечательнее, что семейно-ориентированные благотворительные организации часто выступают носителями идеологии семьи, альтернативной государственной политике или конкурирующей с ней [Клепикова 2011]. Они предлагают более либеральные или гибкие системы детско-родительских отношений, а также активно используют психотерапевтический дискурс для описания детского благополучия в терминах привязанности к значимым взрослым. Идеология благотворительных фондов (внутри этого поля также можно найти разные взгляды) во многом влияет на социальную повестку и отношение к разным типам семейных практик у сотрудников государственных служб.

Однако представления сотрудниц о детском благополучии на практике часто идут в обход сложившихся семейных привязанностей. Так, чистота квартиры, косметический ремонт, начатый взрослыми после предупреждений соцработников, в отличие от нюансов отношений детей и родителей, могут служить гарантией встраивания семьи в «нормальный» и безопасный (как для ребенка, так и для сотрудниц) социальный порядок.

Моральность родителей

Несмотря на то что предписания и нормы относительно гигиены ребенка являются частью процесса медиализации, вопрос о «чистоте» и «грязи» выходит за рамки заботы о детском здоровье. Беспокойство сотрудниц опеки в случае, когда ребенок проживает в грязной квартире, основывается не только на усвоенных нормах гигиены или представлениях о заболеваниях, которые могут возникнуть вследствие «антисанитарии». Чистота детского мира и способность взрослых ее поддерживать соединяются с суждениями сотрудниц опеки о моральных качествах родителей из-за культурной близости «грязи» и «аморальности».

В классическом труде «Чистота и опасность» Мэри Дуглас пишет, что классификация «чистого» и «грязного» производится исходя из представлений о том, как устроена социальная структура. В соответствии с этим «грязное» определяется как то, что нарушает социальный порядок, «находится не на своем месте», выбивается из классификационного ряда [Дуглас 2000: 67–69]. Эмоциональная реакция сотрудниц на проживание ребенка в условиях «грязи» есть реакция на нарушение принятых в куль-

туре способов классификации, где дети и грязь находятся в разных категориях, и смешивать их — значит нарушать естественный порядок.

Действительно, составляя акт обследования жилищно-бытовых условий, сотрудницы опеки часто «сворачивают» описание квартиры до фразы «в доме чистота и порядок», где чистота становится признаком порядка не только материального, но и социального. В этом смысле труд родителей по наведению чистоты в месте проживания ребенка отражает связь между естественным телом членов семьи и телом социальным и предстает способом освоения семьей социально одобряемых моделей мышления и классификации реальности [Diasio, Pawlowska 2017: 2].

Чистота жилого помещения демонстрирует способность взрослых соответствовать классовому и коллективному поведению и служит для сотрудниц опеки проверкой родителей на «социальную адекватность». Алан Праут анализирует напряжение, возникающее между учителями и родителями в случае болезни школьников. Для школьного персонала внешний вид ребенка и его здоровье выступают прежде всего признаками компетентности матери и ее способности ухаживать за детьми. Болезнь ребенка служит сигналом о том, что родительские обязанности выполняются «неправильно»: «Болезнь в качестве “отклонения” в ребенке как бы отражает отклонения в матери, усиливая структурную напряженность отношений между семьей и школой» [Prout 1986: 118].

Несмотря на разнообразие культурных норм даже в пределах одного государства, репертуар практик, связанных с очищением и наведением порядка вокруг ребенка, помогает определить способность родителей усвоить основные правила сообщества и передать этот опыт своим детям — интегрировать их в социум. Если такие правила и экспертные рекомендации усвоены, это позволяет сотрудницам опеки увеличить кредит доверия к взрослым. Так, согласованный визит органов опеки давал матери с наркотической зависимостью возможность подготовиться и убрать квартиру, и она ею воспользовалась. Для сотрудницы подобное действие служит сигналом того, что мать способна привести условия проживания ребенка в соответствии с социальными нормами. Важным становится не само санитарно-гигиеническое состояние жилища, а коммуникативный жест, «шаг навстречу», в который превращается своевременная уборка перед проверкой органами опеки.

Вместе с тем уборка квартиры и ремонт относятся к «моральной» инициативе, которую, по мнению сотрудниц, родители должны проявлять для того, чтобы сохранить ребенка в семье. Исправление материальных условий и исправление нравствен-

ных качеств взрослых соединяются в представлении о том, что родители (особенно матери) должны преодолевать ради своих детей любые трудности [Khlinovskaya Rockhill 2010: 30]. Для сотрудниц опеки особое место в оценке семейной ситуации занимает способность родителей сопротивляться жизненным обстоятельствам. Как было видно из описанных случаев, сотрудницы весьма ограничены в инструментах помощи семьям: органы опеки не могут выделить деньги на покупку необходимой мебели или проведение ремонта, в их обязанности не входит помощь с трудоустройством родителей — все эти действия должны быть совершены взрослыми самостоятельно или с небольшой поддержкой Центра помощи семье и детям. Именно самостоятельность, выражающаяся в первую очередь в устранении грязи в квартире, ценится сотрудницами как проявление моральности родителей. Самостоятельное решение проблем, мужественное преодоление родителями жизненных трудностей ради собственных детей становится удобным культурным нарративом для сотрудниц опеки, в свою очередь ограниченных в средствах помощи и находящихся под давлением вышестоящих инстанций, требующих скорейшей нормализации семейной ситуации. Учитывая важность гигиены в контексте ухода за ребенком, готовность взрослых прислушаться к сотрудницам опеки и устранить беспорядок в квартире оказывается первым и самым очевидным проявлением такой родительской «доблести». Чистота квартиры и детского мира служит свидетельством моральной способности родителей работать с теми обстоятельствами, которые привлекли внимание органов опеки, — зависимостью от алкоголя и наркотиков, материальными трудностями, проявляющимися в первую очередь в виде грязи.

Посещение семей не ограничивается одним визитом. Сотрудницы опеки навещают их регулярно, причем, как было отмечено, количество визитов устанавливается самими сотрудницами и соотносится с их представлением о том, насколько каждой отдельной семье нужен регулярный контроль. Порядок и чистота в квартире, в свою очередь, также должны поддерживаться регулярно. Способность родителей систематически повторять действия по уборке и приведению в порядок жилого помещения становится для сотрудниц опеки еще одним признаком их «моральности» и способности встроиться в нужный государственным инстанциям социальный порядок, где родители регулярно и систематически заботятся о своих детях. Эту связь морального поведения и регулярности можно трактовать в дюркгеймианском ключе. Для Э. Дюркгейма регулярность становится главным атрибутом морального поведения, а ее нарушение — признаком «моральной неполноценности» инди-

видов: «[Л]юди неуправляемые (*les irréguliers*), не умеющие принуждать себя к определенным регулярным занятиям, всегда рассматриваются общественным мнением с недоверием» [Дюркгейм 2021: 141]. Несмотря на то что Дюркгейм подчеркивал изменчивость, историчность моральных норм, которые могут и должны быть предметом социологического изучения, свойство морали быть регулярной, повторяемой в его понимании является одной из ее устойчивых характеристик.

Кроме того, по мнению Дюркгейма, проявление индивидуального героизма вследствие его чрезмерности оказывается также за пределами морального поведения. Как указывает А. Гофман, комментируя регулярность морали у Дюркгейма, такие «героические» поступки вследствие именно своей нерегулярности и экстраординарности относятся скорее к эстетике, а не к моральной жизни как таковой [Гофман 2021: 49]. Так же как и для Дюркгейма, для сотрудниц опеки отчаянные поступки родителей в ситуации угрозы изъятия ребенка оказываются не столь значимы, как регулярные и видимые действия по приведению в порядок квартиры. В их понимании «хороший родитель» совершает подвиг по преодолению трудностей не единожды — недостаточно один раз убрать перед приходом опеки. Визиты сотрудниц будут продолжаться до тех пор, пока действия по уборке не станут регулярными.

Сохранение чистоты жилого пространства также демонстрирует способность взрослых инвестировать собственное время в организацию семейной жизни и служит проверкой их самодисциплины. Готовность тратить силы и время на уборку или ремонт, как и способность сохранять чистоту, служит знаком сотрудничества с органами опеки и проявлением родительской инициативы.

При сопоставлении семейных практик с нормами и предписаниями общества важную роль играет понятие «семейного дисплея», предложенное социологом Джанет Финч [Finch 2007]. Это понятие развивает идею производства семейных практик, ориентированных на их оценку внешним наблюдателем. В этом случае можно говорить о семье как о наборе «практик», демонстрируемых наблюдателю, и этот набор может быть оценен как ближе или дальше отстоящий от представления о «нормальной / правильной» семье в конкретном обществе.

Коммуникация между родителями и сотрудницами опеки во многом основывается на предугадывании взрослыми «семейного дисплея», который хотят увидеть проверяющие. Сотрудницы опеки, в свою очередь, считают такую «дисплейную» коммуникацию, опирающуюся на уровень чистоты / грязи, надежным вариантом, который позволяет определить готов-

ность родителей изменить свою жизнь ради ребенка. По сравнению с обещаниями взрослых посетить врача-нарколога или устроиться на работу вымытый пол, новое постельное белье и свежевывкрашенные стены оказываются более весомым аргументом при оценке детского благополучия и уменьшают недоверие сотрудниц к словам матери или отца.

Заключение

Можно говорить о том, что состояние жилого помещения расширяется для сотрудниц опеки до характеристики «правильного» функционирования семьи в целом, а чистое пространство дома задает «нормальный» ход семейной жизни. Таким образом, они могут интерпретировать опрятность или запущенность жилого пространства как непосредственное отражение родительской заботы и важной для них способности родителей кооперироваться с органами опеки для совместной, а в перспективе и самостоятельной заботы о ребенке.

Хотя работа сотрудниц опеки происходит в состоянии постоянного дефицита рабочего времени, свойственного профессиональным практикам уличных бюрократов, особое внимание, уделяемое чистоте и грязи в квартирах, на мой взгляд, не может быть объяснено лишь желанием сократить время на проверку. Сформированные четкими установками советской системы представления о чистоте и личной гигиене ребенка способствовали закреплению нормативных понятий о детстве, реализуемых как на институциональном уровне через бюрократические формулировки, так и на профессиональном уровне через практики заполнения сотрудницами актов обследования жилищно-бытовых условий. Беглый осмотр квартиры, ее обстановки, запахов и предметов действительно позволяет им быстро составить мнение о «правильном» и «неправильном» родительстве и сократить время работы.

Однако нормы, касающиеся чистоты и гигиены, отражают не столько беспокойство о безопасности и благополучии ребенка (как свидетельствуют описанные ситуации, ребенок остается «в тени» коммуникации между сотрудницами и родителями), сколько их связь с моральным поведением взрослых. Социальная политика современной России, ориентированная на сохранение ребенка в семье, предполагает работу органов опеки с родителями до тех пор, пока ситуация не нормализуется. В понимании сотрудниц опеки чистота квартиры становится первым шагом в этой работе и позволяет им увеличить кредит доверия к взрослым, готовым встроиться в моральный порядок, который подразумевает регулярный уход за жилым помещением, где проживает ребенок.

Оценка чистоты и грязи сотрудниками опеки позволяет выявить спектр представлений, лежащих в основе идеи «хорошего родителя»: это способность взрослых воспринимать и усваивать рекомендации относительно порядка и чистоты и настраивать свою жизнь в соответствии с ними. Чистота также становится свидетельством их желания не разлучаться с детьми и готовности самостоятельно преодолевать трудности, а также их способности к регулярности, определяющей моральный образ взрослых в глазах сотрудниц опеки.

Источники

Санитарно-эпидемиологическая оценка жилых помещений, предназначенных для проживания детей, оставшихся без попечения родителей, передаваемых на воспитание в семьи: методические рекомендации. М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2013. 8 с.

Библиография

- Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
- Гофман А. Социология морали Эмиля Дюркгейма: истоки, принципы, значение. Вступительная статья // Дюркгейм Э. Моральное воспитание / Пер. с фр., вступ. ст., примеч. Александра Гофмана. М.: ИД ВШЭ, 2021. С. 7–105.
- Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Громовой; ред., вступ. ст. и комм. С. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 288 с.
- Дюркгейм Э. Моральное воспитание / Пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Гофмана. М.: ИД ВШЭ, 2021. 456 с.
- Клепикова А.А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкторы волонтерства и профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 391–416.
- Соколов И.С. (ред.). Очерки по истории советского санитарного просвещения. М.: Б.и., 1960. 401 с.
- Шпаковская Л., Кулмала М., Чернова Ж. Идеальная организация заботы о детях, оставшихся без попечения родителей: реформа системы защиты детей как борьба за ресурсы и признание // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2019. Т. 11. № 1. С. 57–81. doi: 10.25285/2078-1938-2019-11-1-57-81.
- Bywaters P., Featherstone B., Morris K. Child Protection and Social Inequality: Editorial // *Social Sciences*. 2019. Vol. 8. No. 2. Article 42. P. 1–6. doi: 10.3390/socsci8020042.
- Diasio N., Pawlowska A. Introduction to the Special Section. Clean / Unclean Bodies: Childhood, Parenthood, and Society // *Italian Journal of Socio-*

- logy of Education. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 1–20. doi: 10.14658/pupj-ijse-2017-3-1.
- Engelstein L.* Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905 // *Representations*. 1986. No. 14. P. 169–208. doi: 10.2307/2928439.
- Finch J.* Displaying Families // *Sociology*. 2007. Vol. 41. No. 1. P. 65–81. doi: 10.1177/0038038507072284.
- Khlinovskaya Rockhill E.* Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2010. 336 p. doi: 10.1515/9781845458638.
- Lipsky M.* Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service. 30th ann. ed. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2010. XXVI+276 p.
- McConnell D., Llewellyn G.* Social Inequality, “The Deviant Parent” and Child Protection Practice // *Australian Journal of Social Issues*. 2005. Vol. 40. No. 4. P. 553–566. doi: 10.1002/j.1839-4655.2005.tb00987.x.
- Prout A.* “Wet Children” and “Little Actresses”: Going Sick in Primary School // *Sociology of Health & Illness*. 1986. Vol. 8. No. 2. P. 113–136. doi: 10.1111/j.1467-9566.1986.tb00028.x.
- Ransel D.L.* (ed.). *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1978. X+342 p.
- Rose N.* *Governing the Soul: The Shaping of the Private Self*. L.: Free Association Books, 1999. 353 p.
- Schneider D.M.* *American Kinship: A Cultural Account*. 2nd ed. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1980. 148 p.
- Starks T.* *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2009. XIII+313 p.

Purity and Order: The Perspective of Child Protection Services

Alexandra Martynenko

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
amartynenko@eu.spb.ru

The article is devoted to the concepts of “cleanliness”, “dirt”, and related contexts of the professional practices in child protection services in St Petersburg, Russia. For child protection service employees, “cleanliness” is expanded to the characteristics of the “correct” functioning of the family as a whole. Although ideas about the connection between childhood and cleanliness are part of the process of medicalization and standardization of child care, the inspection of apartments by child protection services allows us to identify a range of ideas that underlie the notion of “good parenting”: the ability of adults to perceive, assimilate, and adjust their lives in accordance with the recommendations of employees

about cleanliness; evidence of their desire not to be separated from children; overcoming difficulties manifested primarily through disorder and dirt; their ability to sustain regularity, providing a sense of being morally upstanding adults in the eyes of child protection services. The article is based on fieldwork conducted over a period of three years (2019–2022).

Keywords: child protection services, cleanliness, childhood, parenthood, hygiene, morality.

References

- Bywaters P., Featherstone B., Morris K., 'Child Protection and Social Inequality: Editorial', *Social Sciences*, 2019, vol. 8, no. 2, article 42, pp. 1–6. doi: 10.3390/socsci8020042.
- Diasio N., Pawlowska A., 'Introduction to the Special Section. Clean / Unclean Bodies: Childhood, Parenthood, and Society', *Italian Journal of Sociology of Education*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 1–20. doi: 10.14658/pupj-ijse-2017-3-1.
- Douglas M., *Purity and Danger: A Comparative Study of Concepts of Pollution and Taboo*. New York: Praeger, 1966, VIII+188 pp.
- Durkheim E., *L'éducation morale*. Paris: Librairie Félix Alcan, 1925, III+326 pp.
- Engelstein L., 'Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905', *Representations*, 1986, no. 14, pp. 169–208. doi: 10.2307/2928439.
- Finch J., 'Displaying Families', *Sociology*, 2007, vol. 41, no. 1, pp. 65–81. doi: 10.1177/0038038507072284.
- Gofman A., 'Sotsiologiya morali Emilya Dyurkgeyma: istoki, printsipy, znachenie. Vstupitelnaya statya' [Emile Durkheim's Sociology of Morality: Its Sources, Principles, Meaning. Introductory article], Durkheim E., *Moralnoe vospitanie* [Moral Education], transl. from the French, introductory article, notes by Alexander Gofman. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021, pp. 7–105. (In Russian).
- Khlinovskaya Rockhill E., *Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010, 336 pp. doi: 10.1515/9781845458638.
- Klepikova A. A., 'Dobrovoltsy blagotvoritelnoy organizatsii v gosudarstvennom uchrezhdenii dlya lyudey s tyazhelyoy invalidnostyu: konstrukty volonterstva i professionalizma' [Volunteers of a Charitable Organization in a State Institution for People with Severe Disabilities: Constructs of Volunteerism and Professionalism], *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 391–416. (In Russian).
- Lipsky M., *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service*, 30th ann. ed. New York: Russell Sage Foundation, 2010, XXVI+276 pp.
- McConnell D., Llewellyn G., 'Social Inequality, "The Deviant Parent" and Child Protection Practice', *Australian Journal of Social Issues*, 2005, vol. 40, no. 4, pp. 553–566. doi: 10.1002/j.1839-4655.2005.tb00987.x.

- Prout A., “Wet Children” and “Little Actresses”: Going Sick in Primary School’, *Sociology of Health & Illness*, 1986, vol. 8, no. 2, pp. 113–136. doi: 10.1111/j.1467-9566.1986.tb00028.x.
- Ransel D. L. (ed.), *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1978, X+342 pp.
- Rose N., *Governing the Soul: The Shaping of the Private Self*. London: Free Association Books, 1999, 353 pp.
- Schneider D. M., *American Kinship: A Cultural Account*, 2nd ed. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1980, 148 pp.
- Shpakovskaya L., Kulmala M., Chernova Zh., ‘Idealnaya organizatsiya zaboty o detyakh, ostavshikhsya bez popecheniya roditel’ey: reforma sistemy zashchity detey kak borba za resursy i priznanie’ [The Ideal Organization of Care for Children Left without Parental Care: Russia’s Child Welfare Reform as a Battle over Resources and Recognition], *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2019, no. 1, pp. 57–81. doi: 10.25285/2078-1938-2019-11-1-57-81. (In Russian).
- Sokolov I. S. (ed.), *Ocherki po istorii sovetskogo sanitarnogo prosveshcheniya* [Essays on the History of Soviet Sanitary Education]. Moscow: S. n., 1960, 401 pp. (In Russian).
- Starks T., *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2009, XIII+313 pp.
- Volkov V. V., ‘Kontseptsiya kulturnosti, 1935–1938 gody: sovetskaya tsivilizatsiya i povsednevnost stalinskogo vremeni’ [The Concept of *Kulturnost*, 1935–1938: Soviet Civilization and Everyday Life of Stalin’s Era], *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 1996, no. 1–2, pp. 194–213. (In Russian).